

УДК 94(47).084.571

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.39>

Формирование образа «вредителя в сельском хозяйстве» в официальном дискурсе 1930-х годов (на материале Восточной Сибири)

М. А. Проскурякова*

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены мотивы, механизмы, особенности формирования образа «вредителя в сельском хозяйстве» в официальном дискурсе 1930-х гг. На фактическом материале Восточной Сибири представлен опыт микроистории, раскрывающий от частного к общему реализацию государственной политики в аграрной сфере. Отмечается, что репрессии в отношении «вредителей» были легитимизованы одобрением населения или созданием вида такого одобрения в прессе коллективами рабочих, служащих, колхозников. Сделан вывод, что феномен «вредительства» формировал социальное пространство и массовое сознание сельского общества.

Ключевые слова: вредительство, вредитель, репрессии, сельское хозяйство, колхозы, микроистория.

Для цитирования: Проскурякова М. А. Формирование образа «вредителя в сельском хозяйстве» в официальном дискурсе 1930-х годов (на материале Восточной Сибири) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2026. Т. 56. С. 39–47. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.39>

Original article

The Formation of the Image of a “Pest in Agriculture” in the Official Discourse of the 1930s (Based on the Material from Eastern Siberia)

M. A. Proskuryakova*

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of motives, mechanism, and features of the formation of the image of a “pest” in the agriculture of Eastern Siberia in the 1930s. It presents a microhistorical approach, revealing the implementation of state agricultural policy from the specific to the general in the late 1930s. Repression of “saboteurs” was legitimized by popular approval or the creation of such approval in the press by collectives of workers, employees, and collective farmers. The phenomenon of “sabotage” shaped the social space and mass consciousness of rural society.

Keywords: sabotage, pest, repressions, agriculture, collective farms, microhistory.

For citation: Proskuryakova M.A. The Formation of the Image of a “Pest in Agriculture” in the Official Discourse of the 1930s (Based on the Material from Eastern Siberia). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2026, vol. 56, pp. 39-47. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.39> (in Russian)

Феномен «вредительства» как важный элемент воздействия власти на массовое сознание представляет собой одно из ключевых явлений общественно-политической жизни 1930-х гг. Судебные процессы над «вредителями» имели место на протяжении всего десятилетия, но к 1937–1938 гг. образ «вредителя» окончательно сформировался, а открытые заседания над «контрреволюционными группами», «троцкистскими организациями» стали неотъемлемым атрибутом манипулирования массами.

В рамках открытых судебных процессов феномен «вредительства» получил освещение в трудах В. З. Роговина [10]. В. В. Кондрашин, О. А. Сухова [4] характеризуют «вредительство» как «социальный проект», стратегию государства, которое создавало условия, «провоцировавшие исполнителей на нарушение законодательства, а затем маркировала подобные инициативы вредительством или подрывной деятельностью». Н. Б. Арнаутов [1] приходит к выводу, что образ «вредителя» являлся ключевым идеологическим компонентом советской прессы и структурным элементом социальной мобилизации общественно-политической жизни 30-х гг.

Историки исследовали концепт «вредительства» в тесной связи с органами государственной безопасности [6–8]. Появились работы, раскрывающие борьбу с «вредительством» на материалах различных регионов России [2; 9; 11]. С. И. Шубин справедливо утверждает, что только при помощи репрессивной политики сталинское руководство сумело удержать власть во время «великого перелома», после чего репрессии стали главным инструментом прикрытия неэффективности реформ первых пятилеток [12, с. 119, 120]. И. В. Наумов отмечает, что, с подачи партийного руководства, провалы в работе, низкое качество и производительность труда стало принято объяснять преднамеренными вредительскими действиями [8, с. 528].

Относительно Иркутской области, круг исследований, касающихся данной проблематики, не так широк [3; 5], что обуславливает необходимость более глубокого анализа феномена «вредительства» на местном материале.

Факты так называемого вредительства сопровождали всю историю коллективизации. Еще в августе 1930 г. Г. Г. Ягода информировал Сталина о «вредительстве» в сельском хозяйстве, которое затрагивало такие направления, как землеустройство, внедрение в севооборот непригодных для местных условий семян, срыв механизации и кредитования сельского хозяйства [7, с. 72].

В первой половине 30-х гг. главным субъектом «вредительской» деятельности был классовый враг – кулак. В Восточной Сибири в 1931 г. преступления, сопряженные с сокращением поголовья лошадей, связывались исключительно с кулацкой агитацией и «вредительством»¹. В 1932 г. были отмечены факты «вредительства» на заводах Восточно-Сибирского края: рабочие забивали сталь в машины, нарушали методы работы с оборудовани-

¹ Центр документации Новейшей истории ОГКУ ГАИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 174. Л. 45, 62.

ем, умышленно выводили его из строя. Однако большинство случаев были не доказаны и основывались на косвенных фактах². Крайком ВКП(б) указывал, что разрушение материальной базы, «вредительство», масштабные хищения, поджоги должны рассматриваться не как изолированные методы борьбы классового врага, а как определенная цель формирования недовольства политикой партии, советской власти, организации борьбы за ее свержение³.

В 1934 г. наибольшее количество зафиксированных «вредительских актов» было в области сельского хозяйства СССР: из 11675 случаев произошли в колхозах и МТС – 7115, в совхозах – 1775 [4, с. 148]. Органами УНКВД Восточной Сибири с 1 августа по 31 октября 1934 г. по видам контрреволюционной деятельности привлечены к судебной ответственности 1316 чел., из которых за «вредительско-разложенческую деятельность» – 77⁴. К 1 августа 1935 г. по делам следственно-политического отдела было привлечено 937 человек, в том числе за «вредительско-разложенческую хищническую деятельность» по 33 делам 131 чел.⁵ В Усольском совхозе в конце 1936 г. органами НКВД было выявлено «вредительство» ветеринарного врача «методом распространения паратифа поросят и телят». Как сообщалось, ветеринар – в прошлом правый эсер – саботировал профилактические мероприятия и вел антисоветскую агитацию среди рабочих совхозов и колхозников, за что был арестован НКВД⁶.

Официальный курс на начало кампании по борьбе с «вредительством» начался уже в феврале – марте 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б), после чего последовала справка НКВД СССР о «вредительской деятельности» троцкистов и правых в сельском хозяйстве. Сообщалось, что диверсионная деятельность, направленная на подрыв аграрной сферы, исходила по иерархии из центров троцкистских организаций до местного уровня власти⁷. Поиск «вредителей» увенчался успехом, и на июньском Пленуме ЦК Н. И. Ежов объявил антисоветские организации, в одну из которых – право-троцкистскую – якобы входил первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома М. О. Разумов⁸. Еще больше нагнетая атмосферу репрессий, в сентябре 1937 г. вышла директива, в которой ЦК и СНК приказывали устроить в каждом крае или области «от двух до трех показательных судов над вредителями по хранению зерна, приговорить виновных к расстрелу, расстрелять их и опубликовать об этом в местной печати»⁹.

Судебный процесс над «право-троцкистской контрреволюционной группой» Нижнеудинского района Восточно-Сибирской области (с 26 сентября 1937 г. этот район стал частью Иркутской области) как один из открытых судебных процессов, согласно государственному заказу, освещался в

² ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 380. Л. 285.

³ ЦДНИ ОГКУ ГАИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 324. Л. 14 об.

⁴ Там же. Оп. 15. Д. 151. Л. 124.

⁵ Там же. Д. 303. Л. 124.

⁶ Там же. Оп. 21. Д. 18. Л. 31, 32.

⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. 1937–1939. М.: РОССПЭН, 2004. С. 164–168.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ Там же. С. 452.

местной прессе. Ему посвящены номера 228–234 газеты «Восточно-Сибирская правда», а также 101–111 (всего около 30 страниц) газеты «Путь Ильича», которая выпускалась Нижнеудинским райкомом ВКП(б).

Газета «Путь Ильича» вешала, что органы НКВД и прокуратура вскрыли антисоветскую организацию, возглавляемую секретарем Нижнеудинского райкома ВКП(б) И. Л. Федоровым, которая осуществляла «вредительство» в сельском хозяйстве. В группу входили: председатель райисполкома П. М. Толкачев, заведующий районным земельным отделом М. А. Панфилов, заведующий семенной лабораторией А. А. Антипин, старший землеустроитель Д. П. Ермолаев, директор Худоеланской МТС И. Н. Сушенцев, бывшие председатели колхозов М. М. Аземов, В. И. Ворошилов, Р. Т. Кириенко, Г. М. Осипенко. Целью организации якобы был подрыв экономики сельского хозяйства района путем «вредительства»: «враги запутывали семенное хозяйство, сознательно засылали в колхозы явно непригодные семена, давали неверные анализы, устанавливали поздние сроки сева, чтобы подвергнуть посевам заморозкам». Результатами «вредительской деятельности» названы в 1936 г. гибель 7043 га посевов (30 % посевной площади района), в 1937 г. – около 3,6 тыс. га. Пресса акцентировала внимание на том, что «вредители» ставили задачу вызвать всеми своими действиями недовольство колхозников советской властью¹⁰.

Судебный процесс проходил в переполненном зале рабочего клуба. Его вела выездная сессия специальной коллегии областного суда в составе председательствующего Касаткина, членов коллегии Мосюкова, Кутейникова, секретаря – Ощепкова, защиту представляли члены коллегии Патушинский, Пластун, Лузина¹¹.

Диапазон актов, в которых, согласно ст. 58-7 и 58-11 УК, обвинялись работники сельского хозяйства, был очень широк: «вредительская подрывная работа» с целью развала колхозов, срыва хозяйственно-политических кампаний; составление неправильных планов, вредных агрокультурных мероприятий («вредительское руководство»); разрушение хозяйства МТС путем поломки техники, недоброкачественного ремонта, срыва снабжения запчастями, дискредитация самой «идеи существования МТС перед колхозными массами»; срыв подготовки сельскохозяйственных кадров, покровительство враждебным кулацким элементам, создание условий для расхищения социалистической собственности; ущемление интересов и прав колхозников, нарушение устава сельхозартели; создание препятствий «для достижения культурной и зажиточной жизни колхозников»¹².

29 сентября суд приступил к допросу подсудимых, некоторые из которых – Ворошилов, Кириенко, Осипенко, Толкачев, Ермолаев – не признавали себя виновными. Толкачев отрицал, что был членом контрреволюционной

¹⁰ Путь Ильича. Нижнеудинск, 1937. № 101. С. 2.

¹¹ Там же. № 105. С. 1.

¹² Восточно-Сибирская правда. 1937 № 228. С. 3.

организации, утверждая на суде, что его «обставили», однако журналисты видели в этом только обманный маневр «вредителя»¹³.

Допрос Панфилова, наоборот, демонстрировал полное согласие обвиняемого с фактами «вредительства». Прокурор Востоков: «Какие задания давал вам Федоров?» Панфилов: «Составлять вредительские планы, ликвидировать колхозы, губить посевы, вредить в семеноводстве». Председатель суда Касаткин: «Вы активно боролись против советской власти?» Панфилов: «Да, путем вредительства». Касаткин: «Вы враг советской власти?» Панфилов: «Да»¹⁴.

Ермолаев отрицал участие в контрреволюционной организации, пытался отказаться от своих показаний, данных на предварительном следствии: «Может, я что-нибудь и сделал нехорошее, но до последнего времени не знал»¹⁵.

Подробнее всего в прессе освещен допрос Федорова, которого обвиняли в организации группы контрреволюционеров. Одним из первых «вредительских» действий организации, с его слов, было затянуть сев 1936 г., когда с отстающих колхозов часть посева переложили на крепкие, хотя, несмотря на это, многие артели план выполнили (в том же номере предварительно освещалась противоречивая информация, что колхозы сорвали план)¹⁶. Федоров называл нескольких должностных лиц, входивших в «областной правотроцкистский центр», который, в свою очередь, подчинялся московскому руководству. Федоров информировал, что в борьбе с партией и советской властью исходил из установок московского центра. Главной целью было «совершение террористических актов над вождями ВКП(б), советского правительства, шпионаж в пользу иностранных держав и диверсионно-подрывная деятельность в народном хозяйстве». Это должно было привести к подрыву экономической мощи, обороноспособности СССР в будущей войне¹⁷.

Информация затрагивала «вредительскую» деятельность первого секретаря крайкома М. О. Разумова, который «насыщал область ссудами, создавая вид “реальной помощи” колхозам, но на самом деле для повышения своего авторитета». В результате семена колхозники размалывали на муку и распределяли по трудодням. Некоторые колхозы «жили целиком на государственной помощи, таких колхозов становилось все больше». Это развивало «иждивенческие настроения» вместо укрепления колхозов в хозяйственном отношении.

Федорова обвиняли в том, что от имени партии и правительства он превращал лесозаготовки в разорительное для колхозников мероприятие: колхозы не получили с Лестранхоза за работу 70 тыс. руб. «Работу на лесозаготовках мы для крестьян превратили в барщину», – докладывал Федоров, а на вопрос суда, как партия и власть характеризуют лесозаготовки, прилежно отвечал: «Как средство для снабжения народного хозяйства лесом и как дополнительный источник дохода для колхозников»¹⁸. «Я как руководитель

¹³ Путь Ильича. Нижнеудинск. 1937. № 108. С. 1, 2.

¹⁴ Путь Ильича. Нижнеудинск. 1937. № 105. С. 1.

¹⁵ Восточно-Сибирская правда. 1937. № 231. С. 3.

¹⁶ Там же. № 229. С. 3.

¹⁷ Там же. № 230. С. 3.

¹⁸ Путь Ильича. Нижнеудинск, 1937. № 107. С. 1, 2.

контрреволюционной право-троцкистской организации присоединяюсь к тем показаниям о вредительстве, которые сделаны здесь членами этой организации. Мы много навредили району, стремясь разложить колхозы, подорвать материальное благополучие колхозников. Мы боролись против колхозного строя», – резюмирует Федоров¹⁹.

В последнем номере серии об открытом судебном процессе напечатана речь прокурора Иркутской области В. Т. Востокова. Государственный обвинитель обосновывал актуальность итогов заседания «грандиозными победами» коммунистической партии к 20-летию Октябрьской революции и под руководством И. В. Сталина, значимостью Сталинской конституции, укреплением колхозного строительства. Прокурор кратко повторил «преступления» подсудимых, обращая внимание на социальное происхождение или прошлое каждого, и характеризовал их такими терминами, как «бандиты», «кулаки», «фашисты» и др.

«Мы знаем, – говорил государственный обвинитель, – что выполнять план сева, убирать хлеб, сдавать его государству, помогать лесозаготовительным организациям, выполнить планы лесозаготовок – надо, но надо все это делать вовремя, правильно спланировать все работы, т. е. как раз то, чего сознательно не делали лица, отвечающие сейчас перед советским судом»²⁰. Виновность подсудимых считалась доказанной на основе допросов каждого из них независимо друг от друга, а также многочисленных писем и просьб трудящихся района. Отсутствие вещественных доказательств не смущало обвинение.

Эмоциональное заключительное слово государственного обвинителя, по сообщению прессы, зал встретил аплодисментами. Речи стороны защиты в газете только упоминались, но не публиковались. В результате судебного процесса И. Н. Сущенцев был приговорен к 10 годам заключения с поражением в правах на 5 лет, остальные – к расстрелу. Приговор не мог быть обжалован в вышестоящей инстанции²¹.

Стоит отметить, что материалы прессы во многом строились на обвинениях личного характера и представлены таким образом, чтобы всячески унижить «врагов народа». С первых же строк результат открытого процесса очевиден. Газеты формировали образ «вредителя» так, чтобы ни у кого не возникло жалости к «преступникам», сочувствия или сомнения в их виновности. Этому способствовали напечатанные в газете письма трудящихся, одобряющих судебный процесс. Так, в специальную коллегию областного суда в Нижнеудинске поступил ряд резолюций общих собраний колхозников, рабочих предприятий, красноармейцев и служащих, которые просили суд вынести в качестве приговора высшую меру наказания²². В знак поддержки приговора суда в крае проходили митинги и собрания, трудящиеся, посылавшие письма в газету, объявляли благодарность работникам НКВД, клялись помо-

¹⁹ Восточно-Сибирская правда. 1937. № 229. С. 3.

²⁰ Путь Ильича. Нижнеудинск, 1937. № 111. С. 1–5.

²¹ Восточно-Сибирская правда. 1937. № 234. С. 3.

²² Там же. № 229. С. 3.

гать в выявлении классовых врагов, давали обещания стахановского сева, досрочного выполнения зернопоставок государству²³. Любопытно, что обвинение одобряли даже школьники: «Подлым изменникам родины – троцкистским псам, просим суд применить самую высшую меру наказания – расстрел»²⁴.

Даже после ареста членов «контрреволюционной организации» последствия «вредительства» в Нижнеудинской МТС и колхозах района ликвидированы не были. Однако рабочие МТС брали обязательство осуществить доброкачественный ремонт тракторов, ликвидировать последствия «вредительства», быть бдительными²⁵. Рабочие Худоеланской МТС обещали исправить результаты «вредительства» путем стахановской работы, снижения стоимости ремонта тракторов, укрепления трудовой дисциплины²⁶.

На конец 1937 г. по Восточно-Сибирской области по ликвидации последствий «вредительства» был привлечен к ответственности 31 чел., из них 25 осуждены к высшей мере наказания (ВМН). Всего на территории бывшего Восточно-Сибирского края подвергли судебному преследованию 148 чел., из которых 68 осудили к ВМН²⁷. Однако эта кампания была лишь одним из элементов репрессий: параллельно с разоблачением «вредительства» проходили аресты согласно Оперативному приказу Народного комиссара внутренних дел Союза СССР № 00447, в рамках которого с октября 1936 г. по июль 1938 г. в Восточной Сибири было арестовано 38 176 чел.²⁸

Таким образом, через открытые судебные процессы в сельском хозяйстве в 1930-е гг. формировался образ «вредителя». Менталитет сельских жителей программировался в духе одобрения жестоких судебных процессов, почитания органов НКВД, партии и ее лидеров. Вместо решения насущных проблем аграрной сферы и устранения их истинных причин власть переориентировала внимание колхозного крестьянства на мнимых виновников. Проблемы сельского хозяйства, заключающиеся в низкой эффективности колхозной системы, не способной мотивировать к высокой производительности и организации труда, списывались на счет «вредителей». Поэтому часто под эту категорию могли подпасть простые крестьяне, если их труд отличался невысокой отдачей, сопровождался объективным износом техники, гибелью скота или посевов и др. Местные руководители низшего и среднего звена, обвиненные во «вредительстве», характеризовались как диверсанты, осуществляющие срыв хозяйственных кампаний, развал колхозов и МТС, нарушавшие Устав сельхозартели. Также «вредитель» непременно обладал чертами террориста и/или шпиона, цель которых – вызвать недовольство советской властью, снизить обороноспособность государства. К тому же образ «вредителя» вбирал признаки кулака, социальный портрет которого в 30-е гг. включал бандитскую сущность.

²³ Путь Ильича. Нижнеудинск. 1937. № 103. С. 1, 2.

²⁴ Путь Ильича. Нижнеудинск. 1937. № 107. С. 3.

²⁵ Там же. № 109. С.3.

²⁶ Там же. № 105. С.2.

²⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы Т. 5. Кн. 1. 1937–1939. С. 513–515.

²⁸ Там же. Кн. 2. 1938–1939. С. 161–162.

Однако кампания показательных судов 1937 г. была проведена конкретно против местных руководящих кадров аграрной сферы. В конце 1930-х гг. еще оставались элементы оппозиции сталинской политики как в центре, так и на местах. Кампания борьбы с «вредительством» стала своеобразной чисткой, инструментом искоренения протеста, нелояльных проявлений в партии, советских органах, среди сельского населения. В год 20-летия Октября начались самые массовые репрессии в СССР, которые привели к окончательному установлению тоталитаризма.

Список литературы

1. *Арнауттов Н. Б.* Образ «вредителя» в газете «Правда» (декабрь 1934 – декабрь 1938 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1 : История. С. 292–299.
2. *Иващенко В. А.* Кампания по борьбе с «вредителями» на Дальнем Востоке в конце 1920-х-начале 1930-х гг. Как способ удержания региона в едином политическом пространстве сталинского СССР // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи : сб. науч. ст. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 81–85.
3. *Казарин В. Н.* Иркутский областной суд в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 85–95.
4. *Кондрашин В. В., Сухова О. А.* Феномен вредительства в социально-политической контексте и современном дискурсе гуманитарного знания. Новейшая история России. 2017. № 2. С. 144–161.
5. *Лисицина Я. Ю., Лисицин В. Г.* «Моя вредительская работа...» (О судьбах иркутских интеллигентов, 1930-е гг.) // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 1. С. 233–245.
6. *Мозохин О. Б.* Основные направления деятельности органов ОГПУ-НКВД в сельском хозяйстве СССР в 1920–1930-е гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 34 (60). С. 35–44.
7. *Мозохин О. Б.* ВКП (б) и органы государственной безопасности в борьбе с «вредительством» в сельском хозяйстве СССР // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2019. № 1 (16). С. 69–82.
8. *Наумов И. В.* Борьба органов ОГПУ (НКВД) с «вредителями» в Восточно-Сибирском крае в 1930-е гг. // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. / отв. ред.: А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. Иркутск : Отгиск, 2025. Вып. 10 (22). С. 525–531.
9. *Разгон В., Жданова Г.* Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг. // Сибирские исторические исследования 2014. № 3. С. 71–86.
10. *Роговин В. З.* Власть и оппозиции. М. : Журн. «Театр», 1993. 398 с.
11. *Стрекалова Е. Н.* «Стереть с лица земли вредителей и шпионов»: Северокавказские особенности процессов «большого террора» // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 125–135.
12. *Шубин С. И.* Сталинский неонеп как предтеча массовых репрессий 1937–1938 годов на Европейском Севере // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 118–129.

References

1. Arnautov N.B. *Obraz “vreditelya” v gazete “Pravda” (dekabr 1934 – dekabr 1938 goda)* [The Image of the “Wrecker” in the Pravda Newspaper (December 1934 – December 1938)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija* [NSU Bulletin. Series: History, Philology], 2010, vol. 9, iss. 1, pp. 292–299. (in Russian)
2. *Ivashhenko V.A.* *Kampaniya po borbe s “vreditelyami” na Dalnem Vostoke v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. kak sposob uderzhaniya regiona v edinom politicheskom prostranstve stalinskogo SSSR* [The Campaign to Combat “Wreckers” in the Far East in the Late 1920s – Early 1930s. as a Way to Keep the Region in the Single Political Space of Stalin's USSR]. *Sovetskij Dalnij Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epohi* [The Soviet Far East in the Stalinist and Post-Stalinist

Eras]. Collection of Scientific Articles. Vladivostok, Institute of Historical and Ethnographic Ethnography FEB RAS, 2014, pp. 81-85. (in Russian)

3. Kazarin V.N. Irkutskij oblastnoj sud v predvoennyj period i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Irkutsk Regional Court in the Pre-War Period and During the Great Patriotic War]. *Sibirskij juridicheskiy vestnik* [Siberian Law Herald], 2005, no 4, pp. 85-95. (in Russian)

4. Kondrashin V.V., Suxova O.A. Fenomen vreditelstva v socialno-politicheskoj kontekste i sovremennom diskurse gumanitarnogo znaniya [The Phenomenon of Sabotage in the Socio-Political Context and Modern Discourse of Humanitarian Knowledge]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2017, no. 2, pp. 144-161. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.211> (in Russian)

5. Lisicina Ya.Yu., Lisicin V.G. “Moya vreditelskaya rabota...” (O sudbah irkutskih intelligenotov, 1930-e gg.) [“My sabotage work...” (On the fates of Irkutsk intellectuals, 1930s)]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 233-245. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-233-245> (in Russian)

6. Mozoxin O.B. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti organov OGPU–NKVD v selskom hoz'yajstve SSSR v 1920-1930-e gg. [The Main Activities of the OGPU–NKVD in USSR Agriculture in the 1920s-1930s]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], 2021, no. 34 (60), pp. 35-44. (in Russian)

7. Mozoxin O.B. VKP(b) i organy gosudarstvennoj bezopasnosti v borbe s “vreditel'stvom” v selskom hoz'yajstve SSSR [The All-Union Communist Party (Bolsheviks) and State Security Agencies in the Fight Against “Sabotage” in USSR Agriculture]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropskih issledovanij* [Journal of Russian and East European Studies], 2019, no. 1 (16), pp. 69-82. <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-10004> (in Russian)

8. Naumov I.V. Borba organov OGPU (NKVD) s “vreditel'nyami” v Vo-stochno-Sibirskom krae v 1930-e gg. [The Fight of the OGPU (NKVD) against “Saboteurs” in the East Siberian Territory in the 1930s]. *Sibirskaya ssylka* [Siberian Reference]. Collection of Scientific Articles. Eds. A.A. Ivanov, S.I. Kuznetsov. Irkutsk, Ottisk Publ, 2025, iss. 10 (22), pp. 525-531. (in Russian)

9. Razgon V., Zhdanova G. Bolshoj terror v rakurse mikroistoricheskogo issledovaniya: repressii v Soltonskom rajone Altaj'skogo kraja v 1937-1938 gg. [The Great Terror from the Perspective of Microhistorical Research: Repressions in the Solton District of the Altai Territory in 1937-1938]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2014, no. 3, pp. 71-86. (in Russian)

10. Rogovin V.Z. Vlast i oppozicii [Power and Opposition]. Moscow, Tovari'shestvo Teatr Publ, 1993, 398 p. (in Russian)

11. Strekalova E.N. “Steret s licza zemli vreditel'ej i shpionov”: Severokavkazskie osobennosti processov “bolshogo terrora” [“To Wipe Out Wreckers and Spies from the Face of the Earth”: North Caucasian Features of the “Great Terror” Processes]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Research], 2018, no. 2, pp. 125-135. (in Russian)

12. Shubin S.I. Stalinskij neonep kak predtecha massovyh repressij 1937-1938 godov na Evropejskom Severe [Stalin's neo-NEP as a precursor to the mass repressions of 1937-1938 in the European North]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 17, pp. 118-129. (in Russian)

Сведения об авторе

Проскурякова Мария Анатольевна
преподаватель-исследователь,
соискатель, кафедра истории и философии
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 83
e-mail: morevna94@mail.ru.

Information about the author

Proskuryakova Maria Anatolyevna
Research Lecture, Postgraduate,
Department of History and Philosophy
Irkutsk National Research Technical University
83, Lermontov st., Irkutsk, 664074,
Russian Federation
e-mail: morevna94@mail.ru.